

Пролог

Эта книга для женщин, которые все еще спрашивают меня о Джоан. Для девушек, которые только узнали о ее истории и моем в ней участии. Для женщин в возрасте, которые всегда восхищались ее фотографиями в рубрике светской хроники: Джоан была украшением для мужчин. Для Фрэнка Синатры, Дика Крюгера, Даймонда Гленна. Всем хотелось выяснить, кто она такая.

Для начала я всегда говорю, что она была маленькой светловолосой гордостью семьи Фортиер. Все обожали ее с самого рождения.

Затем она стала самой известной светской львицей Хьюстона. Они никогда не поймут, каково это — находиться в ее обществе и пытаться рисовать картину. В Джоан не было ничего выдающегося, она просто была рождена для того, чтобы ею любовались. Она была худенькая, но не как вешалка. Платья идеально сидели на ней, подчеркивая ее стройные бедра, сильные руки, выпирающую грудь. Где бы она ни появлялась, шампанское било ключом. Она делала людей счастливыми. Определенно, она была прекрасна, но это еще не все. Она светила изнутри.

Я остановлюсь на этом. Им интересно, как она пропала. Но я не могу сказать им этого.

Я бы не сказала, что я ее просто любила. С детства я была ее лучшей подругой, ее придворной дамой, ее духовной сестрой.

Впервые она исчезла в 1950 году, в год нашего выпуска из школы. Нам понадобилось не много времени, чтобы понять: она сбежала в Голливуд, чтобы стать звездой. И если бы вы хоть раз находились с ней в одной комнате, то у вас не было

бы сомнений, что у нее все получится. Потому что тогда все просто грезил о ней. Почему бы об этом не мог мечтать и какой-нибудь продюсер? Ее не было год, а когда она вернулась, жизнь пошла своим чередом с Джоан в самом центре событий. Она тысячи раз пропадала после Голливуда. На день, на вечер, на неделю. Даже когда она была рядом со мной, казалось, что она исчезает.

В нашей дружбе был лейтмотив: она всегда пропадала, а я всегда искала ее. Пока однажды мне это не надоело.

Изначально мы обе были Джоан — Джоан Один и Джоан Два, когда наши няни привезли нас в детский сад при начальной школе в Ривер-Оукс. Наша учительница, молодая блондинка, которая учила богатых детей буквам и цветам, пока ее ухажер окончательно не сделал ей предложение, приостановилась, читая список имен. Приостановилась на нас, двоих Джоан. Одна — светленькая, вторая — темненькая. Одна, это было очевидно даже в столь юном возрасте, была рождена, чтобы быть красавицей, у второй, темненькой, были обычные черты, но достаточно милые.

— У тебя есть второе, среднее имя? — спросила она меня, темноволосую девочку.

— Сесилья, — ответила я. Мне было пять лет. Я знала свое среднее имя, свой адрес, свой номер телефона.

— А у тебя? — спросила она, кивая в сторону Джоан, и взяла ее крохотную ручку.

Она держала ее, словно хрупкую птичку. Я выхватила загорелую руку Джоан из рук учительницы. Уже тогда я не любила, когда люди позволяли себе слишком много с моей подружкой. Я привыкла к тому, что всем хотелось ее потрогать. Я это понимала, но мне это не нравилось.

— У нее нет среднего имени, — сказала я, а Джоан радостно закивала в ответ. Она не боялась ни незнакомцев, ни здоровых мужчин с низкими голосами, ничего. За год до этого она пошла на уроки плавания и уже ныряла в бассейн с вышки.

— У меня нет.

— Что ж, — сказала учительница, уперев руки в бедра. Насколько я помню, она была одета в бледно-голубое платье в маленький цветочек, а ее волосы были собраны в скромный пучок. Я увидела кружевной край ее комбинации, когда она наклонилась, чтобы поговорить с нами. Был 1937 год, и, скорее всего, она отчаянно хотела выйти замуж, родить детей и учить их азбуке, открыть для них всю палитру этого яркого и пестрого мира. — Теперь мы будем называть тебя Сесилья. Нет, Сесе. Так лучше звучит. А ты, — она успокаивающе улыбнулась Джоан, — не волнуйся, ты так и останешься Джоан.

Наши мамы не были подругами, но они хорошо относились друг к другу. Мы познакомились благодаря нашим няням, Иди и Дори, которые были сестрами. Они хотели работать вместе, в Ривер-Оукс, и устроились всего в улице друг от друга, у Мэри Фортиер и Рэйнальды Берн, совершенно разных женщин. В первую очередь они отличались достатком. Мэри, мать Джоан, выросла в простой семье в Литтлфилде, штат Техас. В старших классах она познакомилась с отцом Джоан, он был на пятнадцать лет старше ее и уже богат. Мэри понимала масштаб своего везения, это было невероятно, что она смогла вырваться из пыльного, бесперспективного Литтлфилда. Дочка родилась, когда Мэри считала, что ее детородный возраст уж давно позади. Так что Джоан осчастливила Фарлоу, сделав его папочкой, а Мэри — мамочкой. Они были бесконечно благодарны судьбе за такой подарок. Фарлоу, нефтяник из Луизианы, который продолжал сколачивать состояние даже во времена Великой депрессии, верил в Божий промысел, как и большинство везунчиков, и позднее рождение Джоан было доказательством того, что жизнь к нему благосклонна.

Моя семья тоже была богатой, но не настолько, как Фортиеры. Мама получила большое наследство, а отец был руководителем компании «Хамбл» и не искал нефть, как Фарлоу Фортиер. Замужняя жизнь моей мамы оказалась намного более скромной по сравнению с ее детством. Она выросла с дворецким, горничными и нянями в Саванне; в Ривер-Оукс она наняла одну горничную, одну няню и жила в доме, который

не был даже близок к тому, чтобы можно было назвать его самым большим.

Но все же обе женщины назвали своих дочерей Джоан. На данный момент этот жест видится мне полным надежд. Джоан — такое элегантное имя. И сильное. Возможно, нашим матерям тогда казалось, что с мужским именем они дают силу своим маленьким крошкам. Может, они надеялись, что их девочки унаследуют мир мужчин, мир с привилегиями для мужчин. А может, они ничего такого и не думали. В 1932 году имя Джоан было пятое по популярности. Мэри и моя мама назвали нас Джоан, как и все остальные, потому что это было естественно: все так делали.

Но вернемся к тому первому дню в детском саду. Тем же вечером, после того как моя няня Иди накормила и искупала меня, пришла мама, чтобы уложить меня спать. Я рассказала ей, что у меня теперь другое имя. Естественно, она была в бешенстве. Моя мама всегда была в бешенстве. Но это имя все равно прилипло ко мне, и с тех пор я стала Сесе — не столько имя, сколько звук, двойной свист.

Я привыкла к нему.

Глава 1

1957 год

Джоан сидела в моей гостиной на низком оранжевом диване, попивая «Грязный martini», свой привычный коктейль. Это был уже второй бокал, но Джоан всегда пила, как мужчина. В этот майский жаркий, душный день — в Хьюстоне лето всегда наступает рано — все у нас шло своим чередом. В августе Джоан уже не будет.

Мы с Джоан жили в пяти минутах друг от друга в Ривер-Оукс, самом красивом районе Хьюстона — один дом шикарнее другого. Люди, живущие в Ривер-Оукс, ощущали себя очень важными. Газоны были настолько широкими, что их можно было бы использовать как пастбище, дома — настолько величественными, что их можно было спутать с замками, а сады и эспланады — такими ухоженными, как в Версале. Само собой, в Хьюстоне были и другие неплохие районы, но Уэст-Юниверсити не был достаточно роскошным, а Шейдсайд не был достаточно большим, он больше походил на скопление домиков, чем на район. Ривер-Оукс был будто из другой вселенной. Попав на его территорию, ты оказываешься на захватывающей и бесконечной земле.

Мне было двадцать пять, у меня был маленький сын, и я проводила дни, посвящая их дому и друзьям. В общем, я исполняла роль молодой богатой домохозяйки. Женщины в Ривер-Оукс в основном все были домохозяйками. Ну а чем еще мы могли заняться? Я была членом Ривер-Оукского клуба садовников, Хьюстонской юношеской лиги и женского книжного клуба. Джоан тоже, но все это не было ей интересно, поэтому она редко появлялась на встречах. Никто и не думал о том, чтобы лишиться ее членства. Она была дочерью Мэри

Фортиер, а Мэри была главой Ривер-Оукс в свое время. Кстати, я бы тоже устроила большой скандал.

Джоан бездельничала на моем диване в коричневом платье-рубашке из прошлой коллекции, с красным пояском на талии. В платье все было не так: слишком велико в плечах, грубая ткань, которая ничего не подчеркивала. У нее не было чувства стиля, когда речь шла об одежде; если мы ходили куда-то по вечерам, то я всегда ее наряжала. Или девушки из «Sakowitz» присылали ей готовые наряды, от обуви и платьев до белья и сережек.

Из нас двоих я всегда одевалась лучше. Даже сегодня, несмотря на то что я только один раз выходила из дому, чтобы посетить встречу Юношеской лиги, на мне была бледно-голубая юбка из тафты по колено, которая колыхалась при ходьбе и струилась от моей талии, как цветок. Надевая красивые вещи, я чувствовала уверенность в себе.

Все, что я сделала, — так это наклонилась и прикоснулась к краю ее рубашки, Джоан тут же закатила глаза.

— Я думаю, ты хочешь предложить распрощаться с этой рубашкой. Можешь отправить ее на кладбище одежды.

Она поставила свой мартини на маленький хромированный столик из стекла, который я купила специально для напитков, сложила руки за головой и потянулась. Движения Джоан были грубоватыми. Ее жесты не были аккуратными. Она оглядела гостиную, но не смотрела на меня. Ей было скучно.

— Где Томми? — неестественно-веселым тоном спросила она, чем совершенно сбила меня с толку. Может, Джоан и не было скучно. Затем я заметила, что ее выразительные карие глаза слегка припухли.

Она увидела, что я пялюсь на нее, и подняла брови.

— Что? У меня в зубах застряла курица? Я сегодня снова ела энчиладос с курицей у Феликса. С салом. Очень скоро я и сама стану энчиладос... — Она умолкла и начала теревить свое колено.

— У тебя все в порядке?

— Ты уверена, что больше не осталось тортильи? — спросила она, будто пошутив. Она разомкнула губы, обнажив ров-

ные белоснежные зубы. На секунду я забыла, о чем меня спрашивала Джоан, и то, о чем ее спрашивала я.

— Томми? — снова спросила она.

Я позвала Марию. Она появилась через секунду с маленьким темноволосым Томми на руках. Мария была нашей горничной, но и помогала с Томми. Женщины из нашего круга удивлялись, почему я отказываюсь от дополнительной помощи, почему не найму няню для Томми, и хотя я беспокоилась, что они могут подумать, что у меня нет денег на няню для Томми, я не хотела никого нанимать. Я держала Томми подальше от чужих, даже от чужих, нанятых мною, — мне так было спокойнее.

— Он уже ходит, — сообщила я. — Томми, иди поздоровайся с мисс Джоан.

Если бы Томми начал говорить, то его первое слово, скорее всего, было бы испанским, а не английским, из-за Марии. Мы с ней общались на смешанном языке жестов и отдельных слов.

Служанки, с которыми выросли мы с Джоан, практически все были темнокожими, кроме нескольких, со смешанной кровью. Большинство слуг в Ривер-Оукс все еще были темнокожими, видимо, они были потомками того, старшего поколения, но лично я очистила бы Хьюстон ото всех, кто не напоминал бы мне Иди.

Томми посмотрел на меня, а затем вытянул руку, чтобы поздороваться с Джоан. Ему было уже три года, а он все еще не промолвил ни единого словечка. Он любил Джоан. Он много что любил: воду, собак, горки. Книгу о летающей обезьяне. То, как я похлопывала его по щечкам, а затем целовала их — сначала левую, а потом правую. В конце концов, то, как я по вечерам укладывала его спать. И все же иногда я — надеюсь, что только я, — замечала какую-то пустоту в его взгляде, рассеянность.

Джоан пересекла комнату тремя большими шагами и забрала Томми у Марии.

— Ну зачем же ходить самому, когда тебя носят? — напевала она, поправляя ему воротник и приглаживая его красивые каштановые волосы назад.

Я любовалась ими и была счастлива. Джоан и сама выглядела более счастливой. Легко быть счастливой с Джоан. Мой муж, Рэй, как и всегда, был в своем офисе в центре. Но он скоро вернется, а чуть позже, после того как мы с Джоан переоденемся, а Рэй наденет что-то поудобнее, мы поедем в город. Сегодня мы будем ужинать и пить коктейли в Ирландском клубе. Будут танцы, шутки и всеобщее веселье под действием шампанского. Куда бы Джоан ни шла, напитки были за счет заведения, а люди отчаянно хотели с ней пообщаться, узнать ее, поймать ее взгляд.

Но из всех в мире мест, где ей были бы рады, она была здесь, со мной. В моей гостиной держала на руках моего маленького мальчика и пыталась научить его танцевать. Через секунду она попросит меня включить музыку.

С Джоан всегда было будущее. Всегда можно было чего-то ожидать. Томми взглянул на меня, я улыбнулась; казалось, если он и не танцевал, то определенно пытался танцевать. Он будто понимал, чего Джоан от него хочет.

Тем летом Джоан была будто в замешательстве. Все девочки, с которыми мы тогда дружили, вышли замуж, обзавелись детьми, остепенились. Я в том числе. Еще со школы у Джоан была репутация оторвы, хотя это и не имело большого значения в Хьюстоне, если ты молод. Также помогало наличие денег и, конечно, красота. У Джоан было и то, и другое. Любой другой город не простил бы ей голливудской выходки — кто знает, с какими мужчинами она там развлекалась и, вообще, чем занималась. Но Хьюстон был великодушным во всем.

При этом ей уже было больше восемнадцати. А в последний месяц учебы я слышала, как в уборной Общества единомышленников Дарлин Купер сказала Кенне Филдс, что Джоан Фортиер уже не пристало носить волосы в высоком светлом хвостике, как маленькой девочке. Пляясь на обои в черно-белую полоску, я затаилась в своей кабинке. Лучшая подруга вышла бы и высказала бы все Дарлин Купер, чей муж, все это знали, носил мокасины, такие же дешевые, как ее болтовня